АМИР САБИРОВ. ФУНДАМЕНТ ОГРОМНОЙ СТРАНЫ.

Поэт и прозаик.
Участник СВО.

Родился в Омске, окончил местную гимназию, некоторое время служил в драматическом Лицейском театре. Поступил на филфак. А потом началась спецоперация, и в возрасте 18 лет, отчислившись по собственному желанию, Амир сначала ушел на срочную службу, затем — на СВО. Воевал в составе разведроты. После полутора лет в разведке перевелся в Росгвардию: новое его подразделение — полк специального назначения «Оплот».

Все это время писал стихи, и однажды его родители рискнули и отправили их писателю Захару Прилепину на почту.

Так в 2024 году в издательстве «Питер» под редакцией «КПД» (Колобродов, Прилепин, Демидов) вышла дебютная книга его стихов — «Рай осиновый», а в 2026 году и первая проза — повесть «Косница. Элегия». За поэму «Ноябрь» Амир Сабиров стал лауреатом национальной литературной премии «Слово».

— Ваши родители как-то рассказали, что во время донбасской войны, когда вам было 11 лет, вы сказали, что если бы могли, то поехали защищать русских на Донбассе. Откуда это в 11 лет? Вы следили тогда за конфликтом? Почему татарский мальчик из Сибири хотел поехать на Донбасс защищать русских людей?

— Я очень давно об этом конфликте знаю. И ничего не знаю, в целом. До сих пор разобраться в некоторых вещах тяжело. Он нечестный, наверное, по отношению к славянскому народу. Знаю, что украинцы не могли не воевать. Знаю, что российская армия должна была обойтись малой кровью, войдя на Донбасс в 2014 году.

Есть, мне кажется, определенные срезы людей, с кем служил или служу, и некоторые региональные специфики, где больше всего не то чтобы понимают эту войну, а ее скорее чувствуют.

Я бы хотел так сказать: мы смотрим в Украину, как в кривое зеркало, мы персонажи двойники, как у Достоевского. Мы — Раскольников, они — Лужин. Мы князь Мышкин, а они Рогожин. Мы и отставной капитан Митя, и святой Алеша, и сверхидейный Иван, а Украина — Смердяков, незаконнорожденный грехами отца Федора в бане, корень зла которого и убил его самого.

Почему братья — это всегда только про светлое? Братья тоже убивают друг друга. И это ужасно. Ужасно, когда нет одного отца, воспитавшего их.

— А как вы внутри себя формулируете: за что вы сражаетесь, что защищаете?

— Сейчас — за народ. Когда горе приближается ближе и ближе с каждым месяцем, то острее чувствуется именно та часть народа, повязанного на войне смертными узлами. И, скорее, не сражаюсь, не защищаю, а именно служу народу, его будущему.

— В одном из интервью вы сказали: «На то, что я сегодня нахожусь на СВО, отчасти повлияла и литература». А какая именно, кто из поэтов и писателей сильнее всего повлиял на вас?

— Мне нравится читать служивших авторов, у них чуть другой строй письма, может быть. Я с большим интересом изучаю детали военные, описанные Толстым, как у него оно создано. Как вообще была устроена армия. Ищу авторов, которые мне близки в военной тематике.

В поэзии люблю военного Сатуновского, схоже ощущение войны и позднего Шубина.

Считаю Слуцкого главным поэтом для себя, в его стихах огромная любовь. Он был замполитом, кажется, батальона, и стихи его — бытовые, низовые, но светлые. Я обращался к нему за этот год чаще, чем к другим.

Из более ранней эпохи, кто носил форму, из правления Александра I, — Батюшков, Давыдов, конечно. Я их чувствую, по крайней мере.

Но пока ближе Слуцкого найти никого не могу.

— А семья как повлияла на вашу позицию? Как родители отнеслись к вашему решению пойти на фронт?

— Мои родители — это мои обереги и ангелы-хранители. Они молятся за меня и тяжелее всего им, а не мне.

Любому родителю страшно, когда их сын уходит на войну. Но мы любим друг друга, потому любые трудности преодолимы.

— Были в семье какие-то национальные традиции?

— Да, по родословной у нас чистые татары идут, с долькой карачаевцев. После тридцатых-сороковых годов все сильно теряется. По одной линии расстрелянные, по другой — погибшие на фронте.

Самое ценное, что сохранилось в памяти, это дедушка, с которым много времени проводили до его смерти. Он мне рассказывал что-то, отжимался со мной на спине в 85 лет. Силач такой, сухой и красивый. Он тот самый беглый ребенок, чудом выживший в мясорубку эпохи. Толком о нем и не знаем ничего, так как он молчал. Просто жил, как поэты тридцатых годов, путешествуя и работая по всей стране, пока не добрел до Омска, где женился на троюродной сестре, моей бабушке. Скучаю по нему.

Мне нравилось, как в нашей семье всегда православные праздники с мусульманскими соединялись, потому что мы дружили с соседями. На Масленницу были блины, на Пасху яйца приносили, красили, на Курбан-байрам плов, бешбармак, манты из баранины. Часто в гостях был мулла, но батюшек не было.

Татары, мне кажется, современные, это одна из тех спаек русского интернационала, когда все давние исторические конфликты полностью растворились в веках. Осталась дружба народов.

— Кажется, что у вас, рожденного намного позднее 1991 года, есть ощущение расколотого пространства бывшей страны? Что для вас – распад СССР?

— Для меня это невыплаченные зарплаты. Снижение иерархии учителей до самого дна — я из семьи преподавателей. Забытые ветераны. Забытые профессора. Убитое наркотиками поколение. Эхо девяностых до сих пор гуляет во дворах, где я вырос.

Это хоть и небесный СССР — летовский, незримый, памятный культурой — но он стал моим. Где-то доукрашенный, допридуманный. Но он уважал рабочий класс. Я помню, на построении, перед заездом на одно новое направление, нас осматривали на наличие нужного, сказали снять все шевроны. Я все снял, кроме флага СССР с каски. Ношу его, грязный, обшарпанный, но ношу. И так как нынешняя армия — по большей части — идентична в ощущении Отечества, то для нас непоколебима эта «смертная связь» СССР и Российской Федерации.

Тут правда все просто, даже не читая истории, не зная подноготной о механизмах страны... Больно становится, когда понимаешь, что созидание в людях поубивали вместе с людьми. Когда такой сложный баланс классов поубивали.

— После школы вы поступили на филфак. Редкий выбор для молодого человека, обычно это «факультет невест». Почему выбрали именно этот факультет?

— Если честно, у меня был выбор в армию идти сразу, попасть еще на осенний призыв.

Но меня отговорили. А так бы успел побывать под Киевом, например, и застать еще ту войну, когда все же стволы и пушки решали больше, чем дроны.

Харьковская область, 2025 год.

В филологию как будто надо идти, как Мандельштам писал про поэзию, из каких-то рабочих, когда уже почувствовал, что такое ударно-спусковой механизм, что такое черная работа. Так больше выдержки и терпения ко всей учебе. Хочется снова поступить и учиться, как человек. Но сложно с этим.

— Когда и как у вас появилась потребность писать стихи?

— Полагаю, подобная потребность всегда идет от желания что-то объяснить миру в ситуации, когда твой голос априори не может быть услышен. Шло, как боль, а сейчас стало идеей перемен, столпом ясности и спокойствия для меня.

— Амир, «Ноябрь» — это же ваш позывной на фронте? Как он родился?

— Очень просто — первый позывной в прошлом подразделении был «Саба», как производное от фамилии. И еще как «утро» на арабском — позывные ведь всегда слету, как строчка, ловятся.

А нынешний связан с событиями захода — осень, ноябрь 2022 года, херсонское отступление, и моим любимым месяцем, в котором родился. И есть особенная красота и в названии месяца, и в его проявлении в природе.

Но из-за того, что у меня имя довольно редкое в русскоязычной среде, то часто и по имени могут в радиоэфире назвать.

— Вообще, после прочтения вашей дебютной повести «Косница» кажется, что вы человек такого «осеннего мироощущения»? Спокойный, наблюдательный, меланхоличный, вдумчивый?

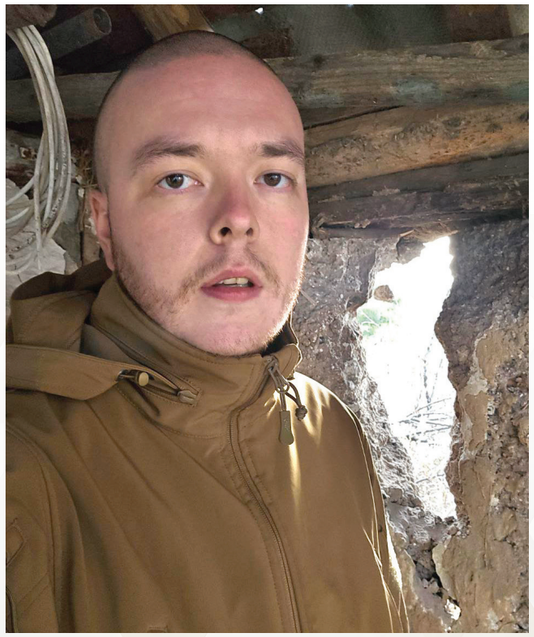
— Не без этого, конечно.

Я взрываюсь, конечно, часто, и начинаю ругаться — нервы, нервы, мужской коллектив, работа, все дела. Но по натуре я очень благоприимчивый. Все всегда вижу в каком-то пухе, который летит и не может поранить.

Но проза-то не про меня, а про другого человека.

— А почему решили написать прозу? Хотелось именно так зафиксировать мироощущение молодого человека, вашего ровесника, на фронте? Как она создавалась — в перерывах между боевыми заданиями?

— Она по большей части создавалась на заданиях самих, как раз где-то между этими подвалами и полузаброшенными многоэтажками, полями. Степенно, как вот когда идешь по маленькому бревну через речку, она создавалась. Мне бы хотелось, чтобы у кого-то в сознании закрепился образ очень сложносочиненного человека, оказавшегося на войне и как бы героем. Что все, как и сама война, порой мрачно и тяжело бывает внутри. И что молодой человек на фронте — обыденное дело. Многие мои товарищи-ровесники, кто дожил, уже не воспринимаются как «мальчики наши». Они уже мужчины в полной мере огромного роста. Они уже сами могут держать выскальзывающую железную нить, на которой держится страна.

В заброшенной деревне, Харьковская область, 2025 год.

— У вас есть строчка в стихотворении: «С каждым годом войны я становлюсь добрее». За годы на спецоперации что самое главное изменилось внутри вас? А что, на ваш взгляд, изменилось в стране?

— Государство стало больше имперским, появился культ Родины, положительный — раннее утраченный. Я себя ощущаю сейчас не то чтобы механизмом, а этим фундаментом огромной страны, черноземом, где только-только геодезисты все замерили. Я так и стал смотреть на вещи — больше как на огромное и постепенное.

Было много сломов внутренних, трещин таких огромных, которые удалось перепрыгнуть, подшить стальными нитками. Несколько раз чуть не шагнул в бездну — и в ту, которая на фронте, и просто в жизни. Чудом выкарабкался из всего этого.

На фестивале «Традиция»

Я не получил ни одного осколка за всю войну, во что сам не особо верю. Не хочу разбрасываться словами сродни «было много возможностей»... Я не люблю смерть, мне тяжело, когда кто-то умирает, когда кто-то получает

На съемках проекта «Царь-Пушкин», 2025 год.

На фестивале «Русское лето» с мамой

ранения. Раньше бы я постучал по дереву, чтобы не сглазить, а сейчас смотрю на это спокойно. Просто так случилось, и я благодарен Богу за жизнь.

Благодарю народ, который не оставил армию. Благодарю женщин, плетущих масксети для военных. Преклоняюсь перед женщинами, ждущими своих мужей с фронта. Перед стариками, которых не уничтожила уродливая политика девяностых. Перед матерями, потерявшими сыновей на фронте. Перед воинами-стариками, воинами-интернационалистами. Перед редким добром — хрупким, как кости пальцев.

ИЗ ПОВЕСТИ "КОСНИЦА"

"Огонь утих, и группа, расправив съеженные спины, выдвинулась дальше.

Перемычка между лесами простреливалась снайпером, засевшим под несорванной ЛЭП. Косница, шедший посередине группы, дождавшись, когда товарищ перед ним забежит в лес, дернул сразу за ним, чуть не провалившись в рытвину от тяжелого снаряда.

У края посадки лежало тело, одетое в цифру, лежал автомат в районе руки. Тело напоминало половую тряпку, выброшенную после уборки.

Засев под сосной, в углублении земли он оглядывал местность вокруг — лежали расхлябанные блиндажи, кое-где была вычерпана, будто арбуз ложкой, земля, в которой лежали осыпавшиеся листья, уже примерзшие, и дальше в кустах лежало еще несколько неопознаваемых издалека тел.

Добравшись до позиций противника, командир отправил головной дозор по раздерганным частям леса. Те, просмотрев окопы и поняв, что противник ушел, подозвали остальных. Дозачищая короткими очередями блиндажи сквозь занавешенную шерстяную ткань и досматривая все их углы, подспудно снимая растяжки и раздербанивая рюкзаки на наличие дорогой техники, закрепились на этих позициях.

Радиоволна, вытянутая по всем полкам, батальонам, ротам, трещала, словно березовое полено в печи. Чьи-то позывные, запрос на огневую поддержку и эвакуацию погибших, координаты, точки, опять позывные, помехи и снова точки. Переклички живых и мертвых, когда один, докладывая, говорил о работе миномета, другой отвечал уже мертвому, командира резко подхватывали, перебивали другие позывные и все это разливалось в осеннем гуле наступления, страшного, безумного, не проработанного.

Сыпались раззадоренные мины, постреливали пулеметы, зависали квадрокоптеры, пролетали неуязвимые бомбардировщики, сбрасывая на соседей-пехотинцев мины.

Косница рыл землю и вырывал из нее корни, спотыкаясь о толстые, в это время подбегал кто-то с топором и начинал рубить их".

